

УДК 81'27(510)
ББК 81.21(5Кит)

В.А. Клиновский

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ КНР В ОТНОШЕНИИ ДИАЛЕКТОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Раскрывается роль принципа национального единства ханьского этноса в формировании основ политики Коммунистической партии Китая в отношении диалектов современного китайского языка. Автор, на основе лингвистических исследований, приводит ряд доказательств того, что китайские диалекты по формальным признакам являются самостоятельными языками.

Ключевые слова: языковая политика, социолингвистика, языковое планирование, государственный язык, диалекты, КНР, китайский язык.

V.A. Klinovskiy

IDEOLOGICAL BASIS FOR PRC'S POLICY TOWARDS THE DIALECTS OF THE CHINESE LANGUAGE

The article shows the role of Han people's ethnic unity principle in forming the basis of policy of the Communist Party of China concerning the dialects of the contemporary Chinese language. Basing on linguistic research the author proves that the Chinese dialects are formally independent languages.

Keywords: language policy, sociolinguistics, language planning, state language, dialects, PRC, the Chinese language.

Диалектная картина Китая формировалась на протяжении многих веков. Доказано, что еще в во времена правления династии Западная Чжоу, в различных регионах Китая начали складываться специфические региональные формы языка, отличные друг от друга по своему лексическому составу. Периодом наиболее интенсивного развития диалектов в истории древнего Китая стала «эпоха Сражающихся царств», когда удельные княжества не имели друг с другом никаких культурных связей. Император Цинь Шихуан, будучи у власти, попытался стандартизировать китайский язык, взяв за основу диалект княжества Цинь, однако, эта преобразование коснулось только письменности. В раннем средневековье процесс распада классического древнекитайского языка завершился. Образовавшиеся в результате этого местные диалекты в период Троецарствия и в эпоху Северных и южных династий развивались независимо друг от друга. Кроме того, все они, в зависимости от ареала своего распространения, испытывали на себе влияние языков различных народов, проживавших по соседству с Китаем. Уже к началу эпохи Тан многие из сформировавшихся локальных говоров северных и южных регионов страны практически утратили взаимопонятность на уровне разговорной речи. Создание в этот период литературного языка «вэньянь», основанного на лексико-грамматических нормах древнекитайского языка, было ничем иным, как попыткой преодолеть диалектные различия, по крайней мере, в письменной форме языка.

В позднем средневековье, после монгольского завоевания, различия между локальными вариантами китайского языка в южной и северной частях страны еще больше усугубились, что было связано, в частности, с тем, что китайский язык в эпоху династии Юань утратил официальный статус.

Органы власти осуществляли свою деятельность, используя монгольский язык. В период правления маньчжурской династии Цин ситуация в основном не изменилась. Только в XX в. руководство страны всерьез озаботилось проблемой диалектных различий в рамках китайского языка. Осуществление программы планирования развития китайского языка в этой сфере началось в 1956 г. с публикации постановления Государственного совета КНР «О распространении общепотребительного языка», которое раз и навсегда закрепило ассимиляционную политику КНР в отношении локальных диалектов [6, с. 11–16]. Однако осуществить всеобщий переход к использованию путунхуа по всей стране китайскому правительству по сей день не удалось, так как, несмотря на то, что «...до 80-х гг. XX в., руководство страны все еще придерживалось мнения, о том, что диалекты должны быть заменены путунхуа» [3, с. 47], оно не имело четкого представления о том, как именно должно быть осуществлено это преобразование. Постепенное внедрение путунхуа в сферу традиционного использования диалектов началось с принятием в конце 1980-х гг. новых образовательных программ.

Надо отметить, что современное слово диалект (方言 — фан янь) существовало в китайском языке еще до нашей эры. Его дословное значение, «иноземная речь», не вполне соответствует латинской этимологии слова «диалект», но еще с начала знакомства европейской науки с китайским языком, именно такой перевод закрепился за этим словом, как наиболее адекватный. На территории современной КНР обычно выделяют семь крупных диалектных групп. В их числе:

- диалекты Гуаньхуа или мандаринский диалект;
- У, диалекты провинций Цзянсу и Чжэцзян;
- цзянсийская диалектная группа Гань;
- Сян, распространенные в основном, в провинции Хунань;
- Хакка, специфические диалекты, распространенные в южных провинциях Фуцзянь и Гуандун;
- Минь или хоккиен, группа диалектов, на которых говорят жители провинции Фуцзянь и большая часть китайской диаспоры в Юго-восточной Азии;
- Юэ, или кантонский диалект, являющийся родным для жителей провинции Гуандун, особых административных районов Макао и Гонконг, а также для большинства китайских иммигрантов в странах Нового света.

Такая классификация поддерживается в последние десятилетия и отечественными специалистами. Она была разработана китайскими учеными и перенята советской, а, впоследствии, и российской наукой [1]. Однако в западных странах подход к изучению диалектов Китая отличается от данного. Китайский язык входит в китайскую ветвь сино-тибетской языковой семьи. Причем в этой таксономической ячейке он, если верить китайской науке, является единственным. Исследователи же из Европы и Америки склонны считать приведенные выше диалектные группы самостоятельными языками в ее рамках. Таким образом, к примеру, в англоязычной научной литературе для их характеристики используется слово *language* — язык, но не *dialect* — диалект.

Такая точка зрения основана на формальных критериях различия языка и диалекта. В российской науке для обобщения понятий «язык» и «диалект», используется термин «идиом», которому в англоязычной литературе соответствует слово «тополект» (англ. *topolect*). Существует два типа критериев, по которым конкретный идиом может быть определен как отдельный язык или диалект. Первый из них — это структурные критерии. По ним языки и диалекты различаются с точки зрения формальной линг-

вистики. Лексико-статистический критерий различает идиомы по словарному составу. Сравнительное языкознание при анализе степени родства языков, как правило, опирается на исследование их «базового словарного состава», т.е. тех лексических единиц, которые не могут заимствоваться из других языков, ввиду того, что появляются на самых ранних стадиях развития общества. В их число входят личные местоимения, термины родства, названия частей тела, некоторые прилагательные и глаголы, выражающие простейшие представления человека об окружающем мире. Американский лингвист русского происхождения Моррис Сводеш составил полный перечень таких лексем, широко используемый в современном языкознании и получивший, впоследствии, название «список Сводеша».

В отечественной науке существует достаточно удобная четырехуровневая система классификации форм языка. Согласно ей языки подразделяются на наречия, наречия на диалекты, а диалекты, в свою очередь, на местные говоры [2]. Формальным критерием для признания двух идиомов диалектами или наречиями в составе одного языка служит идентичность как минимум 89 из 100 базовых лексем, входящих в «списки Сводеша». При этом диалектами, строго говоря, считаются идиомы, в словарном составе которых идентичными являются 99 лексем из 100. Сравнительный же анализ стандартного разговорного языка «путунхуа», с одной стороны, и стандартных диалектов Хоккиен и Юэ, с другой стороны, обнаруживает сходство максимум 85 из них.

Критерий взаимопонятности идиомов подразумевает возможность относительно свободного общения носителей различных диалектов между собой. В Европе существует множество языков, носители которых также могут общаться, несмотря на то что, идиомы, используемые ими в разговоре считаются отдельными языками. Такое явление называется «полукommunikацией» и обуславливается тем, что сравнительно небольшая площадь большинства европейских государств и интенсивные международные контакты формируют у населения этих стран привычку интуитивно понимать на слух языки «соседей» (тем более, что большинство европейских языков являются родственными). Что же касается ситуации с взаимопонятностью китайских «диалектов», то полноценный коммуникативный акт между жителем какой-либо из северных провинций и носителем, к примеру, одного из говоров группы Хоккиен, практически невозможен. Базовые лексические единицы этих идиомов, такие как местоимения, основные глаголы и даже некоторые служебные слова (союзы и частицы), кардинально различаются не только фонетически, но и этимологически.

Из всего этого логически следует вывод, что, с точки зрения формального языкознания, научных оснований считать Юэ, Хакка, Минь и другие локальные идиомы диалектами китайского языка не существует, хотя во всех них прослеживаются регулярные фонетические соответствия, что указывает на безусловное близкое родство этих языков.

Второй тип критериев различия языков и диалектов предлагает социолингвистика, основываясь на внешних факторах воздействия на языковую ситуацию. Среди таких критериев выделяется принцип функциональной полноценности, заключающийся в наличии у идиома своего письменного стандарта и возможность его применения во всех сферах письменного и устного общения. Этому критерию самостоятельности диалекты Китая также соответствуют.

Теория единства китайского языка часто опирается на мнение, согласно которому его признаком является отсутствие у диалектов собственной письменности. Принято считать, что иероглифическая письменность является основным фактором консолидации региональных

форм современного китайского языка, и носители различных диалектов всегда могли свободно общаться друг с другом, используя письменную форму. Однако в действительности это далеко не так. Способность жителей южных районов КНР понимать письменный вариант мандаринского диалекта является реальностью лишь последних 15–20 лет, возникшей после того, как руководство страны начало осуществлять строгий контроль за соблюдением образовательных стандартов, основанных на повсеместном изучении «путунхуа» во всех регионах Китая [5, с. 227–249]. На деле, письменные системы диалектов имеют большие различия. В качестве примера можно привести гонконгский вариант кантонского языка (группа Юэ). Абсолютное большинство носителей мандаринского диалекта неспособно понимать его письменный вариант. Фраза «Это не их ребенок» записывается и читается на кантонском языке как 呢唔係佢哋嘅𩶛𩶛 — nei mh haih keuih deih ge suyaah, на мандаринском:

这不是他们的孩子 zhè bú shì tāmen de hai zi¹. Как видно из примера, варианты одного и того же предложения, записанные на мандаринском и кантонском языках, могут не только звучать абсолютно по-разному, но даже не содержать одинаковых иероглифов. Причем ни один из иероглифов, использованных в предложении на кантонском языке, не употребляется в данном значении в стандартизированном «путунхуа». Можно привести множество подобных примеров. Ситуация усугубляется еще и тем, что такие регионы, как Гонконг, в 1960-х гг. не приняли проведенную в материковом Китае реформу по упрощению иероглифов и продолжают использовать их классические написания, которые так же не понимает большинство жителей северных районов страны, за исключением людей, имеющих высшее образование. Среди носителей мандаринского диалекта количество понимающих диалекты иных регионов страны крайне незначительно. В свою очередь, жители юга Китая под давлением системы вынуждены обучаться фактически на двух языках одновременно: на родном и на «путунхуа» [7].

Существует еще один немаловажный критерий разграничения языка и диалекта — политический. Ученые признают, что «...один и тот же идиом может считаться как языком, так и диалектом, в зависимости от политической ситуации» [4, с. 26]. Как раз в этом аспекте кантонский, хакка, гань и другие языки юго-восточного Китая уступают «путунхуа». Известный лингвистический афоризм «...язык — это диалект, у которого есть армия и флот», приписываемый обычно Максиму Вайнрайху, находит свое отражение и во взаимоотношениях между языками Китая. Из всего этого можно заключить, что единственным основанием объединения языков китайской ветви в один является политическая доктрина Китая.

Однако нельзя сказать, что руководство КНР все это время сознательно позиционирует языки китайской ветви сино-тибетской языковой семьи как единый язык на основе некой специально разработанной политической программы. Такое положение дел сложилось естественным образом. Право этих языков на самостоятельность с момента их оформления не признавалось никогда. Ни в средние века, ни в новое время, ни в XX в. в сознании ханьского этноса попросту не возникало идеи разделения китайского языка. Именно концепция национального единства лежит в основе китайской модели языковой идеологии. Иначе говоря, язык для ханьцев символизирует, прежде всего, их этническую принадлежность.

¹ Для кантонского варианта использована транскрипционная система, принятая в англоязычных странах; для мандаринского — стандартная фонетическая транскрипция «пиньинь».

При этом одной из главных задач языковой политики Коммунистической партии Китая является создание на территории страны единого культурного пространства посредством унификации языковых стандартов и популяризации языка межнационального общения. Однако, как видно из приведенной выше характеристики региональных форм самого китайского языка, зачастую, обеспечение взаимопонимания между представителями собственно ханьского этноса, проживающими в различных районах страны, может стать гораздо более сложной задачей, нежели распространение «путунхуа» среди национальных меньшинств. Отсюда вытекает необходимость разработки плана мероприятий по коррекции языковой ситуации не только в национальных автономиях, но и в районах распространения диалектов китайского языка.

Идеологической основой языкового планирования в отношении диалектов в КНР является, как это не странно, сама идея единства китайского языка, т.е. непризнание этих диалектов в качестве самостоятельных языков, которыми они технически являются. Идея эта, в свою очередь, основывается на принципе национального единства ханьцев. При этом в рамках ханьского этноса, политически доминантным признается население севера страны, так как в древности и средневековье эти регионы традиционно были центром политической жизни государства.

Список использованной литературы

1. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. — М., 1996.
2. Коряков Ю.Б. Систематика языков / Ю.Б. Коряков. — М., 2006.
3. Guo Longsheng. The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004.
4. McColl Millar Robert. Language, nation and power: an introduction. Basingstoke, —2005.
5. Zhou Minglang. The spread of Putonghua and language attitude changes in Shanghai and Guangzhou, China // Journal of Asian Pacific Communication. — 2001. — 11 (2).
6. 国务院关于推广普通话的指示 // 国家语言文字政策法规汇编. (1949–1995). 北京. 1996.
7. 詹伯慧. 语言与方言论集, 广州. 1993.

Referenses

1. Zav'yalova O.I. Dialekty kitaiskogo yazyka. — M., 1996.
2. Koryakov Yu.B. Sistematika yazykov / Yu.B. Koryakov. — M., 2006.
3. Guo Longsheng. The Relationship Between Putonghua & Chinese Dialects // Language Policy in the People's Republic of China: Theory and Practice Since 1949. Boston, 2004.
4. McColl Millar Robert. Language, nation and power: an introduction. Basingstoke, —2005.
5. Zhou Minglang. The spread of Putonghua and language attitude changes in Shanghai and Guangzhou, China // Journal of Asian Pacific Communication. — 2001. — 11 (2).
6. 国务院关于推广普通话的指示 // 国家语言文字政策法规汇编. (1949–1995). 北京. 1996.
7. 詹伯慧. 语言与方言论集, 广州. 1993.

Информация об авторе

Клиновский Владимир Александрович — аспирант, кафедра истории, археологии и этнографии, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, e-mail: klyn87@mail.ru.

Author

Klinovskiy Vladimir Aleksandrovich — post-graduate student, Chair of History, Archeology and Ethnography, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: klyn87@mail.ru.